

Книжный магазин Зелёного Бора

Сегодня Лис Арчибальд целый день вытирал давным-давно копившуюся на полках пыль. Большинство книг в книжном магазине городка Зелёный Бор существовали только в одном экземпляре, и поэтому было очень важно хранить их в наилучших условиях. Лис вёл дела добросовестно и старательно, однако тому, кто унаследовал магазинчик в дупле дерева, да ещё в самой чаще леса, не приходится удивляться, что природа возьмёт своё, и земля окажется в каждом

Но крот его уже не слышал, он карабкался на новый стеллаж, с которого начали падать все книги. Подобно моряку, вглядывающемуся в горизонт, Фердинанд обшаривал взглядом полки в поисках загадочной книги — но как бы не так, она исчезла! Тяжелая половинка ореховой скор-

лупы, служившая Кроту Фердинанду рюкзаком, тянула его назад. Он непременно упал бы с полки, если бы не лис, вовремя заметивший, что его друг вот-вот потеряет равновесие. Арчибальд бросил собранные книги на первый попавшийся стол и подхватил крота в последнюю минуту. Оказавшись в надежных объятиях продавца книг, крот горько разрыдался, заливая свою шубу слезами.

— Ну, ну, — ласково проговорил Арчибальд, усаживая друга в кресло и протягивая ему чашку шоколада с зефирками. — Может быть, вы объясните мне, что происходит, дорогой мой Фердинанд?

— Я уже много недель ищу свою книгу, и вчера вечером я вдруг подумал, что она может находиться у вас, вот там, на этажерке в глубине зала, там, где стоят автобиографии; но её там нет!

Крот зарыдал ещё громче, утирая глаза и нос большим клетчатым платком.

— Ваша книга? Но, друг мой, вы никогда не говорили мне, что написали книгу!

— А как же, написал, уже давным-давно! Кажется, я оставил её вашему батюшке, а может

языки разноцветного пламени. Глядя на него, лис совсем расслабился. Он выбрал самую хорошенькую палочку и поджарил на ней несколько зефирок; они обжигали язык, и казалось, будто во рту

у него разгорелся сладкий пожар, но благодаря этому лис согрелся и смог, наконец, приняться за чтение в свете костра.

Он захватил с собой первый том приключенческого романа, который горячо полюбил ещё в ту пору, когда был резвым лисёнком. На внутренней стороне обложки книги, заботливо переплетённой лапами его отца, стояла хорошо знакомая печать предыдущего хозяина книжного магазина: изображение лиса с чернильницей в лапе. *«Надо бы всё-таки придумать мою собственную печать. Не могу же я вечно пользоваться печатью отца»*, — подумал лис. Эта книга была особенно дорога Арчибальду тем, что он до сих пор не знал, чем она заканчивается. *«Путешественник, стремившийся к вершинам»* — так называлась первая часть истории в двух отдельных томах: однажды, пока лисёнок был в школе, кто-то купил второй том. Вообразите себе его разочарование, когда, вернувшись, он обнаружил, что продолжение истории пропало! Несмотря на это, сам не зная почему, лис искренне привязался к этой книге — настолько, что, заработав свои первые орешки

дится, и шумно грыз свои каштаны, не обращая внимания на недовольство других слушателей. Когда он вытер лапки носовым платком, а затем шумно высморкался в него, сам Гедеон повернул голову на сто восемьдесят градусов, отчего у старого впечатлительного крота вырвался короткий приглушённый вскрик. Поскольку мысли Фердинанда унеслись куда-то к звёздам, а на душе было беспокойно, дирижёру пришлось ещё не раз продемонстрировать своё недовольствие. Смущённый Арчибальд, пряча лицо за отворотом пальто, старался не прислушиваться к насмешкам.

— А теперь, — провозгласил филин, когда концерт подходил к концу, — я хотел бы представить вашему вниманию моё совершенно новое произведение. Это мировая премьера под названием «Письмо к Мира»!

Лис чуть не свалился со стула.

— Фердинанд, — прошептал он кроту, — друг мой, вы

слышали, что сказал Гедеон?

Но крот был слишком поглощён тем, что складывал, раскладывал и снова складывал пакетик из-под своих каштанов, устремив взгляд в пустоту. Чтобы привести его в чувство, Арчибальд показал ему вторую фотографию, ту, на которой они вместе с Мирой сидели в этом же зале

тридцать лет назад. Он молился, чтобы впечатление от фотографии оказалось сильнее болезни Забвения и её козней. Увы, крот, безразличный к его усилиям, продолжал складывать, раскладывать и снова складывать свой пакетик в надежде отыскать в нём несколько крупинок сахара от каштанов. Ах, если бы только Арчибальду удалось привлечь его внимание!

— На сочинение этой песни меня вдохновила, я бы даже сказал, подарила её мне одна моя подруга. Удивительная барышня-крот буквально

благодаря Мире, с которой я имел удовольствие беседовать тридцать лет назад, вместе с нашим дорогим, присутствующим здесь Фердинандом.

— Может быть, вы будете так любезны и сможете мне найти путь к моим воспоминаниям? — спросил крот, умоляюще глядя на филина.

— Конечно, друг мой. Мы тогда говорили обо всём на свете, о вас, обо мне, о том, как вы счастливы, гуляя рука об руку по этому лесу, о фотоап-

парате, который постоянно висел у Миры на шее. Она рассказала мне, что очень любит музыку, и напела песенку, которую её мама пела ей в детстве, когда она боялась расти. Именно в память о вас, бесценные мои друзья, я и исполнил эту скромную песню, «Письмо к Мире». Я так ждал, что в один прекрасный день снова увижусь с вами, и надеюсь, моя музыка вам понравилась, — признался Гедеон, и впервые в его голосе послышалось смирение.

— Ваша музыка... она навеяла... навеяла воспоминания, — ответил Фердинанд и повесил голову.

Взволнованные гости и хозяйева замолчали, в уютной музыкальной гостиной воцарилась тишина. За стеной слышались ночные голоса леса, журчала вода в реке, шелестели ветки. Впрочем, эти звуки не шли ни в какое сравнение с той симфонией чувств, которая гремела в душе Марии-Камелии. О, это был поистине удивительный вечер!..

— Что же вы собираетесь теперь предпринять? — заговорил Гедеон.

который уже окликал его раньше, перед тем как он увидел домик без стен.

— Кем бы вы ни были, оставьте меня в покое! Я должен найти Миру, она была вот тут, совсем рядом, а я позволил ей уйти! — рыдал крот, продолжая свой путь к двери.

Голос умолк. Но теперь, подойдя к голубой двери, Фердинанд подумал, что не знает точно,

хочет ли он открывать её. Его охватила безудержная паника, крупные капли пота текли по его мордочке, заволакивали его очки. Отчего ему становилось страшно при мысли о том, что он может переступить порог и найти за ним свои воспоминания? Если за дверью его ожидало всё самое прекрасное — нежность матери, понимание отца и любовь жены, почему он так боялся

*Лис Арчибалд и Крот Фердинанд
Наброски. Карандаш*